

Жучкова Анна Владимировна, Четырина Татьяна Ивановна

ИЛЛЮЗИЯ СВОБОДЫ: О. ХАКСЛИ "О ДИВНЫЙ НОВЫЙ МИР", Д. ОРУЭЛЛ "1984", С. КОЛЛИНЗ "ГОЛОДНЫЕ ИГРЫ"

Рассматривая проблему свободы, а также проблему власти и ее влияния на человека в антиутопиях О. Хаксли, Д. Оруэлла и трилогии С. Коллинз, мы приходим к выводу, что истоки социальной несправедливости коренятся в готовности отдельного человека к рабскому подчинению авторитарному субъекту, хотя свобода личности должна определяться ее внутренним развитием, а не внешними факторами. Вне личностного роста индивида стремление к свободе иллюзорно и может привести только к появлению новых властных структур.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2014/11-1/19.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2014. № 11 (41): в 2-х ч. Ч. I. С. 74-77. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2014/11-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

УДК 82-313.2

Филологические науки

Рассматривая проблему свободы, а также проблему власти и ее влияния на человека в антиутопиях О. Хаксли, Д. Оруэлла и трилогии С. Коллинз, мы приходим к выводу, что истоки социальной несправедливости коренятся в готовности отдельного человека к рабскому подчинению авторитарному субъекту, хотя свобода личности должна определяться ее внутренним развитием, а не внешними факторами. Вне личностного роста индивида стремление к свободе иллюзорно и может привести только к появлению новых властных структур.

Ключевые слова и фразы: Хаксли; Коллинз; Оруэлл; свобода; личность; власть; выбор.

Жучкова Анна Владимировна, к. филол. н.

Четырина Татьяна Ивановна

Российский университет дружбы народов

capra@mail.ru; barbariska14@list.ru

**ИЛЛЮЗИЯ СВОБОДЫ: О. ХАКСЛИ «О ДИВНЫЙ НОВЫЙ МИР»,
Д. ОРУЭЛЛ «1984», С. КОЛЛИНЗ «ГОЛОДНЫЕ ИГРЫ»[©]**

Определение свободы как внутриличностной категории восходит к Платону, который понимает ее как «господство разума над чувственными влечениями» [6, с. 14]. Также в античности возникает и противоположная трактовка свободы. Аристотель следует представлению о том, что «несвободным является лишь то существо, которое находится во власти насилия и неведения» [Там же]. Мы видим, свободу можно трактовать по-разному: как свободу от чего-либо или же как свободу внутри самого себя.

Т. Гоббс, рассматривая людей как существ изначально эгоистичных и агрессивных, полагает, что свобода достижима только при внешнем контроле над обществом. Философски обосновывая эту политическую установку, он утверждает, что «ничто не имеет начала в себе самом, но все происходит в результате действия какого-либо другого непосредственного внешнего агента... все добровольные действия обусловлены необходимыми причинами и являются вынужденными» [4, с. 608].

Если согласиться с утверждением Гоббса, что «свобода состоит в отсутствии внешних препятствий» [Там же], становится очевидно, что такая свобода ведет к анархии и деспотизму. На наш взгляд, экстернальный подход к свободе вреден в любом случае, поскольку вызывает борьбу за власть или же против власти и заканчивается разрушением.

Напротив, в основе платоновского понимания свободы (как господства человека над самим собой) заложена внутренняя динамическая конфликтность, борьба желаний и разума, которая, согласно теории Гегеля о противоречии как залого развития, ведет к совершенствованию человека и к обретению истинной свободы.

Н. Бердяев, русский философ XX века, много размышлявший о свободе, считал ее понятием сугубо личностным, духовным. Он словно отвечает Гоббсу, Энгельсу и другим материалистам, приходившим в отчаяние от мнимой (во многом) обусловленности, «вынужденности» бытия: «Свобода есть дух, она имеет духовный источник и она уменьшается по мере движения от духовной стороны жизни к материальной ее стороне. Необходимость возрастает от приближения к материи» [2, с. 270]. Какой станет реальность, зависит от нашего выбора. Говоря снова словами Н. Бердяева, «свобода есть и возможность фатальности, и возможность благодатности» [Там же, с. 69].

Можно разработать справедливые законы. Можно попробовать установить свободу насильно – создать утопическое справедливое государство. Вот один факт испортит все – контролировать-то это новое общество будут люди, несвободные от зависти и злости. Следовательно, никакие придуманные системы, даже идеальные, не могут обеспечить стабильности и справедливости. «Ибо если право государства или публичная свобода держатся только хрупкой опорой законов, то не будет для граждан никакой обеспеченности ее осуществления, но, наоборот, они обречены на гибель», – говорил Б. Спиноза [9, с. 325].

Эту ситуацию художественно реализуют антиутопии XX века. Принято считать, что такой жанр литературы как «утопия» начал свое существование с момента образования государственности. Утопические мотивы связаны с мечтами о будущей жизни в несуществующем мире, то есть в том месте, которого нельзя найти на географической карте, в некоей ирреальности. Антиутопия развивается параллельно ей, будучи генетически и тематически связана с утопией. Даже в античности встречаются мотивы недовольства законами социума, хотя антиутопия еще не сформировалась как самостоятельный жанр (Платон «Государство», комедия Аристофана «Женщины в народном собрании», философские трактаты «киников»), как отмечает в диссертационном исследовании Ю. Л. Латынина [8].

Л. М. Юрьева вычленила следующие специфические черты жанра антиутопии: 1) пространство этих романов замкнуто, зачастую окружено стеной от остального мира и представляет собой государство с авторитарно-тоталитарной системой управления; 2) время герметично, прошлое отторгается и ослабевает преемственность между прошлым, настоящим и будущим; 3) герой, бунтарь-одиночка противопоставлен безликой, послушной массе, занимающейся непрерывным, но «неодухотворенным» трудом; 4) всё человеческое отвергается: чувства, любовь, природа, которая находится в резервации. Природа, вернее, ее отсутствие в антиутопическом мире направлено на воспитание человека таким, как это удобно обществу [13, с. 73-76].

Основной дискурс антиутопии – исследование способов существования человека в обществе. Классическое определение М. Квапиена [14, р. 29] гласит: антиутопия «представляет в разнообразных формах отрицательную картину» бытия, описываемую автором по реалиям современного ему мира.

Стремление к свободе присуще человеческой природе. Мы обладаем, казалось бы, малым и в то же время великим даром – свободой выбора. Хотя часто люди от него отказываются, сначала в малом, а затем и в экзистенциальном смысле рабское начало в их душах побеждает. Для данных индивидов свобода может стать бременем, тяжкой ношей, они стараются всеми способами избавиться от «божьего дара». Подчинение авторитарному субъекту становится источником некоего скрытого удовлетворения. «Человек находится в рабстве, он часто не замечает своего рабства и иногда любит его», [3] – писал Н. Бердяев.

«Жизнь требует, чтобы ты осознавал последствия каждого своего выбора» [1] – но именно эта ответственность и является для многих непереносимой. На протяжении веков религия воспитывала в людях покорность, подчинение некоей высшей воле, которая способна помочь или наказать. Герой «Процесса» Кафки бросает обвинение Богу: «но отвечает за эту последнюю ошибку тот, кто отказал в последней капле нужной для этого силы» [5, с. 427]. Нужной для того, чтобы выхватить нож из рук палачей и в угоду власти зарезать себя самому. Истоки социальной несправедливости заключаются в том, что люди зачастую *желают* быть рабами.

Именно поэтому авторитарному государству удается держать в подчинении огромные массы людей. Вместе с тем, государство целенаправленно стремится к подавлению личностной свободы. Какими средствами оно располагает?

Первое условие этого – регрессорство, низведение человека на уровень животных инстинктов. Неважно, удовлетворён или, наоборот, распален отсутствием удовлетворения будет инстинкт: можно сделать сексуальные и иные стимулы доступными, как в романе О. Хаксли «О дивный новый мир» [12], отражением которого является современная действительность; можно запретить их и превратить в предмет роскоши, как в романе Оруэлла [10], – в любом случае мысли человека будут сосредоточены лишь на обладающих несомненной притягательностью стимулах: еде, одежде, сексуальных удовольствиях и т.п.

Второе условие – избавить от сомнений ум. Можно вложить в него идею Большого брата и служения народу; можно одурманить разнообразием в эпоху коммерческого потребления, где товаром становится все – любовь, идеи, слава; можно запутать «двоемыслием» как возможностью мнимой свободы. Герой Оруэлла в течение семи лет стремится к свободе и любви, но в финале мы понимаем, что эта тяга была внушена Министерством Любви. Это иллюзия свободы, как в случае с мадам Бовари, которая хотела иметь любовников в противовес мещанскому быту, не понимая, что ее натура стремится именно к мещанскому идеалу. Всегда трудно определить, насколько те или иные идеи являются собственно нашими. Базовое свойство личности состоит как раз в том, чтобы быть свободной от внушений. Путь к обретению себя долог, вернее, бесконечен. Но именно готовность к сомнению, к постоянному движению и поиску правды и отличает настоящего свободного человека от иллюзорной свободы индивида при любом политическом строе.

Третий фактор – страх. Власть манипулирует сознанием человека, который боится. Человек у Оруэлла полностью потерял свою независимость, разумность, индивидуальность. Если партия диктует, что дважды два – пять, «война – это мир, свобода – это рабство, незнание – сила» [Там же], то мало кто может найти силы доказать обратное. Человек теряет индивидуальность из-за страха боли и смерти.

О'Брайен, герой Оруэлла, не отрицает, что целью власти является сама сущность власти. Государству необходимо, чтобы люди были марионетками, то есть видели то, что им разрешается видеть, думали то, что им диктуют, но не более. Для этой цели применяется и «новояз», уничтожающий память, способность к гибкому и самостоятельному мышлению. Главное, что хотел донести Оруэлл до читателя, что данная социальная болезнь, вирус страха и рабства, убивает сущность человека. Инстинктивный страх Смита Уинстона сломал его «нравственный хребет», основанием которого была любовь к Джулии. Использование инстинкта для подавления личности является базисом авторитарности. А выбор человека – следовать зову инстинкта или стремиться ввысь.

Изобилующий цветами, красками, запахами и материальными благами роман Хаксли «О дивный новый мир» на первый взгляд представляет собой противоположность серому и страшному миру Океании. Но лейтмотив произведения Хаксли – жестокость и антигуманизм. Новаторство автора заключается в том, что он последовательно описывает процесс, превращающий младенца не в человека, а в юнита. Тема воспитания являлась одним из приоритетных интересов О. Хаксли. «Воспитание» государством, вернее, формирование «юнита» включает следующие компоненты:

1) подавление свободы воли (сцена в доме малютки, где малышкой подвергают воздействию тока, чтобы отучить стремиться к новым впечатлениям);

2) подавление способности к самостоятельному мышлению: «...от меня и не требовалось знать. Допустим, спрашивает ребенок, как устроен вертоплан или кем создан мир, – ну что будешь ему отвечать, если ты бета и работала в Зале оплодотворения? Ну что ему ответишь?» [12];

3) чрезмерное поощрение инстинкта: «Эмоция таится в промежутке между позывом и его удовлетворением. Сократи этот промежуток, устрани все ненужные препятствия» [Там же].

В романах-антиутопиях XX века важна тема изоляции человека от природы. Ни одно тоталитарное государство не поощряет единение с природой. Потому что человек, обладающий способностью к системному взаимодействию с природой, не может быть лишен внутренней личностной основы. Согласно современным научным воззрениям, психологическая структура личности представлена следующими категориями: темперамент, способности, мотивация, характер, воля, чувства. Большая часть этого списка: темперамент, характер, воля, чувства – вырабатываются человеком в ходе взаимодействия с окружающим миром, с природой

(Ср. «Старик и море» Э. Хемингуэя, «Северные рассказы», «Морской волк» Д. Лондона, «Анна Каренина» Л. Толстого и т.д.). В общении с природой человек учится системному взаимодействию с миром, а ведь личность отличается от индивида именно тем, что она способна переступить через эгоистические побуждения ради стремления принести благо другим, ради согретого человеческим теплом бытия, если следовать экзистенциальной философии М. Хайдеггера [11].

Трилогия современной писательницы С. Коллинз посвящена решению вопроса о том, как человеку нашего времени не превратиться в юнита, в пешку властных структур. Но не только. Иллюзия свободы оборачивается сегодня и другой своей стороной – желанием власти. Если у тебя власть – то ты свободен? Главная героиня трилогии не заражена вирусом рабского подчинения, но для того, чтобы не быть жертвой системы, ей приходится самой стать символом власти. Лейтмотивом романов о Китнисс является тема свободы личности от манипуляций человеком в масштабах государства. В ночь перед Играми герой-протагонист Пит дает себе зарок «умереть самим собой»: «Я не хочу, чтобы меня сломали. Превратили в чудовище, которым я никогда не был... хочу как-то показать Капитолию, что не принадлежу ему. Что я больше чем пешка в его Играх» [7, с. 117]. Как и в антиутопиях XX века, сохранить внутреннюю свободу удается тому, кто общается с природой (сцены охоты, единения Китнисс с лесом, с природой) и кто творчески преобразует мир (художественный дар Пита, его умение делать добро, убеждать людей словами). И все же главное, что отличает личность от юнита, – это умение чувствовать. Когда Капитолий устроил Питу психоломку, почти полностью уничтожив его личность, только любовь и нежность, проявленные Китнисс (ей тоже нелегко перешагнуть через ожесточенность и открыть свое сердце) спасают и его, и ее. Из бездны отчаяния после потери сестры Китнисс начинает выбирать тогда, когда делает первый шаг к нежности, – пожалев кота, которого не выносила ранее. Как видим, в трилогии С. Коллинз сохранены базовые принципы антиутопии. Личность – это человек, который понимает свою связь с природой, умеет самостоятельно думать и принимать решения («Не будь дурой, Китнисс. Думай своей головой» [Там же, с. 682]), доверяет чувствам и способен творчески преобразовать мир.

Также в романах о Китнисс поднимается и другая проблема – желание власти, живущее где-то в душе. Возможность власти, давая еще одну иллюзию свободы, подменяет свободу истинную. Китнисс часто обвиняет себя в эгоизме, жестокости, рациональном подходе к людям. Чтобы не поддаться влиянию власти и остаться верной правде, ей приходится постоянно мысленно вспоминать то, что является истинным в ее жизни, – любовь к близким и ответственность пред ними. Так называемая американская демократия сделала желание власти культурной доминантой европейской цивилизации. Образ действий американского правительства со всей очевидностью отражен в трилогии Коллинз: политические провокации (массовые убийства детей с целью выдать их за действия противника), имиджевая политика, масс-медийное влияние на электорат, борьба за мировую гегемонию.

Как и проблема рабства, проблема власти может быть решена только в сердце каждого. Конфликт чувства и власти (в случае Китнисс это желание быть всегда сильной, первой, правой, и, конечно, свободной), проходя через все действие, разрешается только в последней части трилогии: «Знаю, что мне нужен не огонь Гейла, подпитываемый гневом и ненавистью, а весенний одуванчик – символ возрождения, обещание того, что несмотря на все потери жизнь продолжается» [Там же, с. 892].

Трилогия С. Коллинз завершается не победой какой-то стороны, а поражением всех претендентов на президентский пост. И хрупкой надеждой, что, возможно, установившееся на этот раз равновесие не перерастет через какое-то время в новую борьбу за власть. По крайней мере, героиня делает свой выбор в пользу жизни, а не власти.

Иллюзорной свободы в наше время много. Как в политических Играх, поддерживаемых правительствами ведущих держав, так и в играх виртуальных или иных. В отличие от свободы иллюзорной, свобода истинная – это труд каждодневных выборов, а не статичная вещь, которую можно получить единойжды, путь человека к самому себе.

Список литературы

1. Бах Р. Карманный справочник мессии [Электронный ресурс]. М.: София, 2005. URL: <http://flibusta.net/b/89137> (дата обращения: 24.06.2014).
2. Бердяев Н. А. О затруднениях свободы // Бердяев Н. А. Истина и откровение. СПб.: Изд-во Русского Христианского гуманитарного института, 1996. 384 с.
3. Бердяев Н. А. О рабстве и свободе человека. Опыт персоналистической метафизики [Электронный ресурс]. Париж: YMCA-Press, 1939. 224 с. URL: <http://www.vehi.net/berdyayev/rabstvo/index.html> (дата обращения: 29.06.2014).
4. Гоббс Т. О свободе и необходимости // Гоббс Т. Сочинения: в 2-х т. М.: Мысль, 1989. Т. 1. 622 с.
5. Кафка Ф. Процесс // Америка. Процесс. Из дневников. М.: Политиздат, 1991. 606 с.
6. Кессиди К. Ф. Этические сочинения Аристотеля. Вводная статья к 4 тому // Аристотель. Сочинения: в 4-х т. М.: Мысль, 1983. Т. 4. С. 8-37.
7. Коллинз С. Голодные игры. И вспыхнет пламя. Сойка-пересмешница. М.: АСТ, 2014. 894 с.
8. Латынина Ю. Л. Литературные истоки антиутопического жанра: дисс. ... к. филол. н. М., 1992. 202 с.
9. Спиноза Б. Избранные произведения. М.: Государственное издательство политической литературы, 1957. Т. 2. 728 с.
10. Оруэлл Дж. 1984 [Электронный ресурс]. URL: <http://flibusta.net/b/229751/read> (дата обращения: 13.08.2014).
11. Хайдеггер М. [Электронный ресурс]. URL: http://www.psyoffice.ru/5-enc_philosophy-1325.htm (дата обращения: 14.08.2014).
12. Хаксли О. О дивный новый мир [Электронный ресурс]. М.: Азбука-классика, 2005. URL: <http://flibusta.net/b/257338/read> (дата обращения: 24.06.2014).
13. Юрьева Л. М. Русская антиутопия в контексте мировой литературы. М.: ИМЛИ им. А. М. Горького РАН, 2005. 320 с.
14. Kwapien M. The Antiutopia as Distinguished from its Cognate Literary Genres in Modern British Fiction // Zagadnienia Rodzajow Literarih. XIV. № 2 (20). 1972.

THE ILLUSION OF FREEDOM: A. HUXLEY "BRAVE NEW WORLD",
G. ORWELL "1984", S. COLLINS, "THE HUNGER GAMES"

Zhuchkova Anna Vladimirovna, Ph. D. in Philology

Chetyrina Tat'yana Ivanovna

Peoples' Friendship University of Russia

capra@mail.ru; barbariska14@list.ru

Considering the problem of freedom, as well as the problem of power and its impact on humans in dystopias by A. Huxley, G. Orwell and S. Collins's trilogy, we come to the conclusion that the origins of the social injustice root in the willingness of the individual for the slavish submission to the authoritarian subject, although the freedom of a person must be determined by his or her internal development rather than external factors. Beyond the personal growth of individual the desire for freedom is illusory and can only lead to the emergence of new power structures.

Key words and phrases: Huxley; Collins; Orwell; freedom; personality; power; choice.

УДК 81.366

Филологические науки

Статья посвящена исследованию экспрессивной субстантивной лексики в переводных социальных романах Г. Манна «Верноподданный», «Учитель Гнус», «В маленьком городе». С позиции функциональной стилистики рассматривается образование экспрессивных морфологически и семантически производных субстантивов в идиостиле писателя. В работе представлен анализ некоторых словообразовательных моделей экспрессивных субстантивов, создающих образы персонажей, в художественном дискурсе Г. Манна; описаны структурно-семантические и парадигматические связи между производными и производящими субстантивами со значением лица в пространстве художественного текста.

Ключевые слова и фразы: идиостиль; экспрессивная лексика; словопроизводство; семантическая деривация; словообразовательная модель; словообразовательная омонимия.

Замалютдинова Эльмира Рафаилевна, к. филол. н., доцент

Рахматуллина Диана Эдуардовна, к. филол. н.

Казанский государственный энергетический университет

zamelma@list.ru; dinush77@mail.ru

Сафонова Светлана Сергеевна, к. филол. н., доцент

Казанский (Приволжский) федеральный университет

sekretstar16@rambler.ru

**ЭКСПРЕССИВНАЯ ЛЕКСИКА, СОЗДАЮЩАЯ ОБРАЗЫ
ПЕРСОНАЖЕЙ, В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ДИСКУРСЕ Г. МАННА:
СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ И ФУНКЦИОНАЛЬНО-СТИЛИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ
(НА МАТЕРИАЛЕ РУССКИХ ПЕРЕВОДОВ)[©]**

В настоящее время в лингвистике доминирующим оказывается антропоцентрический подход к исследованию языка и речи, корреляция информативных и коннотативных смыслов коммуникации; на первый план выдвигается проблема познания человека, его характерных черт, а также системы ценностей, традиций и верований. В основном это касается языка художественной литературы, поскольку она обладает особой антропоцентричностью как специфическим признаком: «познание и отражение мира в произведении художественной литературы направлено в первую очередь на познание человека, а все изображаемые художественные события есть средство его всестороннего показа» [2, с. 23]. В то же время, изображая человека в его социально-исторической обусловленности и создавая яркие образы, автор выражает свое субъективно-эмоциональное отношение к действительности. Следовательно, идейно-тематическое содержание произведения и созданные писателем художественные образы персонажей – категории взаимосвязанные и взаимообусловленные.

Особый интерес в плане языкового изображения человека представляют переводы социальных романов прогрессивного немецкого писателя Г. Манна, «поднявшего на новую высоту жанр социального романа в немецкой литературе XX века» [5, с. 4]. Романы Г. Манна, написанные в духе критического реализма, изображают человека в реальной историко-экономической среде кайзеровской Германии, где господствуют верноподданническая тупость, высокомерие, человеконенавистничество, беспощадно критикуемые и высмеиваемые писателем. «Исследование экспрессивных возможностей художественного слова в широком понимании стимулируется идиостилем писателя, его мирозерцанием и творческой манерой» [13, с. 121]. Если попытаться осмыслить специфику языка этих переводных произведений с позиции деривации в функционально-